

ЛИНГВИСТИКА

УДК: 811.111'04'37

ДИСКУРС-АНАЛИЗ И КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ В ИССЛЕДОВАНИЯХ В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

М.Ю. Колокольникова

Саратовский государственный университет
E-mail: marinaugustina@yandex.ru

В статье рассматривается роль дискурс-анализа и корпусного анализа в изучении исторического развития семантической структуры лексических единиц.

Ключевые слова: историческое развитие; лексика; дискурс-анализ; корпусная лингвистика.

Discourse Analysis and Corpus Analysis in Historical Lexicology

M.Yu. Kolokolnikova

This article considers the role of discourse analysis and corpus analysis in the investigation of historical development of the semantic structure of lexical units.

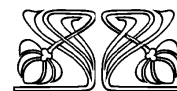
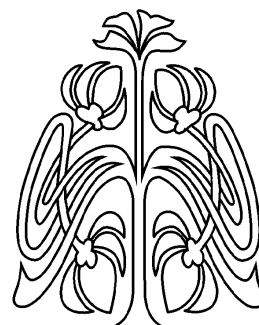
Key words: historical development, lexis, discourse analysis, corpus linguistics.

В лингвистике уже давно утвердилось мнение о том, что «объектом лексикологии, строго говоря, является не слово, а тексты, в которых мы вычленим искомое слово и путем широкого сопоставления большого количества текстов изучаем те изменения, которые происходят в его знаковой (звуковой) и в его смысловой стороне». Н.А. Мещерский, приводя эти слова Б.А. Ларина в своей статье «Критические заметки по русской исторической лексикологии», сопровождает их следующим комментарием: «Об этом нужно непрестанно помнить всем изучающим историческую лексикологию»¹.

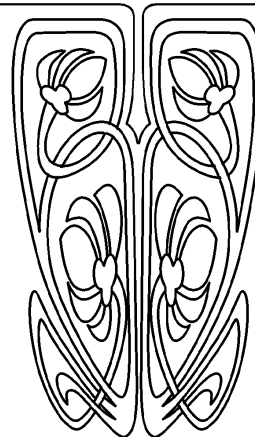
Сказанное ни в коей мере не отрицает той роли, которая принадлежит словарям, особенно этимологическим и историческим, при изучении процесса семантического и функционального развития лексических единиц. Вместе с тем не вызывает сомнений и тот факт, что исследования, основанные на анализе первоисточников, имеют целый ряд преимуществ перед теми, которые опираются главным образом на словарные статьи и картотеки. В первом случае имеется, в частности, возможность изучать контекстные реализации значений лексем в разных типах дискурса в ходе эволюции языка.

Важно, что подобные исследования позволяют проследить как синхронную вариативность лексем, так и диахронную, которая во многом берет свое начало в функциональной, социальной, социокультурной или географической дифференциации (неоднородности) языковых явлений. Признание тесной связи между этими двумя видами динамических процессов в языке является, как уже говорилось выше, одной из характерных черт современной лингвистики, в которой все более широкое распространение получает так называемый «бисинхронный» подход. Он, в частности, предполагает анализ и описание языковых фактов не в рамках единой системы правил и исключений, а в рамках двух сосуществующих систем – более старой и более новой.

Исследования, о которых идет речь, требуют, естественно, привлечения значительного количества текстов, различных по своей жанрово-дискурсивной и хронологической принадлежности. Неудивительно поэтому, что в настоящее время они проводятся, как прави-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ло, с использованием электронных корпусов, в которых языковые данные представлены в своем естественном окружении, поэтому выводимые обобщения имеют статус не интроспективной догадки, как при традиционном подходе, а эмпирически наблюдаемого факта.

Корпус часто рассматривается как некая уменьшенная модель языка или подязыка. Достоверность полученных на его основе результатов определяется, прежде всего, его репрезентативностью (представительностью), под которой обычно понимается способность ограниченного числа текстов, отобранных согласно определенным критериям, отражать закономерности языкового употребления, характеризующие язык в целом.

Представительность корпуса, как не раз уже отмечалось в специальной литературе, зависит не только от объема включенного в него материала, но и от пропорциональности представления отображаемого фрагмента речевой действительности, от тщательности выборки текстов при планировании корпуса и его последующем составлении. Иначе говоря, корпус должен содержать все типы текстов, представленные в определенном языке в определенный исторический период, причем в правильной пропорции, т.е. быть сбалансированным, что во многом определяет успех проводимых на базе корпуса дискурсивно направленных исследований.

Как известно, само появление дискурс-анализа было связано с признанием самостоятельной ценности речевого материала, с признанием текстов, т.е. узуса, подлинной реальностью науки о языке, единственным доступным непосредственному наблюдению объектом. Кроме того, хорошо известно, что на первоначальном этапе дискурс-анализа необходимо, прежде всего, выделить корпус текстов, в котором бы нашли отражение специфические черты изучаемой культурно-речевой сферы. При этом электронная обработка текстов имеет, естественно, неоспоримые преимущества перед ручной, крайне трудоемкой и требующей большой затраты времени, которая далеко не всегда оправдывает себя.

Нельзя также не подчеркнуть, что появление электронных корпусов текстов не только предоставило лингвистам новый, очень эффективный инструмент анализа фактов языка, но и в определенной степени вызвало смену теоретических приоритетов, связанную в первую очередь с переходом от «системы» к «узусу» и от «языка» к «речи». Правда, тенденция к подобному переходу наметилась еще раньше. Поэтому довольно сложно ответить на вопрос, что здесь причина, а что следствие: послужили ли идеологические установки «теории узуса» импульсом к широкому использованию корпусных исследований или прогресс в такой первоначально сугубо прикладной сфере, как составление электронных корпусов, привел к резкой смене теоретических приоритетов. Скорее всего, имели место оба процесса,

и правильнее говорить о встречном движении: в ходе теоретических поисков был обнаружен наиболее подходящий для этих поисков инструмент.

Как отмечают многие авторы, электронные корпусы позволяют не только более быстро и эффективно решать уже давно стоящие перед наукой задачи, но и выдвигать новые, которые раньше были фактически невыполнимы из-за своей трудоемкости. В области диахронной лингвистики одной из подобных задач, по мнению, например, В.А. Плуногяна, является изучение «микроэволюции» языка в течение одного–двух веков. Сюда, в частности, относятся малозаметные изменения сочетаемости и значения слов, изменение частотности различных конструкций или частотности употребления лексических и грамматических вариантов и т.п.²

А.М. Молдован связывает с использованием электронного корпуса такое понятие, как «микрo-историческая» лингвистика, в центре внимания которой находятся не глобальные изменения в истории языка, а изменения менее масштабные, занимающие одно–два десятилетия. Причем поскольку входящие в корпус тексты датированы, то оказывается нетрудным проследить за хронологией постепенных языковых изменений: появлением или угасанием определенных слов и конструкций, за изменением их своих значений и т.д.³

Представляется, однако, что и в исследованиях, охватывающих продолжительные хронологические отрезки (500 лет и более), является целесообразным учитывать не только «глобальные» преобразования семантической структуры лексем, но и различного рода сдвиги, которые находят отражения в изменении частотности использования слов в языке вообще или в его отдельных культурно-речевых сферах, в появлении у лексем новых, первоначально контекстуально зависимых значений и т.д. Подобные сдвиги, возникающие в процессе употребления слов, в дальнейшем могут оказать существенное влияние на их функциональное и семантическое развитие.

Все это служит еще одним доказательством отсутствия резких границ между синхронным и диахронным подходами. Тем более что в синхронном срезе условно может быть рассмотрен довольно длительный период времени, вплоть до столетий, тогда как сравнительно короткий отрезок может дать больший исторический сдвиг при рассмотрении языка в развитии, в диахронии. Известно, например, насколько быстро изменялся французский язык, и в первую очередь его лексика, в конце XVIII – начале XIX в., т.е. в период революционных событий. Столь же быстрые изменения происходили в политическом и социальном словаре Франции и в период с 1869 по 1872 г.⁴

Неравномерности развития словарного состава подчеркивает И.А. Галуцких в своей работе, посвященной эволюции ядерной лексики английского языка на протяжении всей его долгой истории. Согласно полученным автором

статистическим данным, пики повышенной активности образования значений ядерных лексем приходятся, например, на 1450 г., 1530 г., 1590 г., 1611 г., а повышенной архаизации – на 1450 г., 1590 г., 1611 г., 1667 г., 1697 г. Кроме того, результаты также указывают на общую значительную интенсификацию изменений при переходе от древнеанглийского к среднеанглийскому, и особенно к новоанглийскому периоду⁵.

Еще одна закономерность, выявленная в ходе исследования, заключается в том, что периоды высокой, средней и низкой интенсивности эволюционных процессов в ядре лексикона совпадают по времени с такими же периодами в развитии английского языка в целом и коррелируют с наиболее значимыми периодами в истории английского общества. Так, специфика позднесреднеанглийского периода во многом определяется тем, что он совпал по времени со Столетней войной (1337–1453 гг.) и с эпидемией чумы (с 1348 г.), в результате которой население страны сократилось на треть. В то же время эти события способствовали окончательному вытеснению французского языка английским из всех социально значимых сфер общения, где он занимал господствующее положение в течение почти трех столетий⁶.

В целом же отметим, что электронные корпусы находят все более широкое применение в области исторической лингвистики, о чем свидетельствует большое число работ [Hughes, 1988; Sweester, 1990; Kovceses, 1986, 1989, 1990; Tissari, 2003, 2006; Traugott, Dasher, 2002]. Однако дискурсивная вариативность языковых единиц в этих работах, как правило, не является специальным объектом исследования. Отчасти данная проблематика затрагивается, например, в статье Б. Косман 'From Evil Riches to Common Fertilizer: Mucking in with Semantic Change'. Она посвящена функционированию английского существительного *tuck* в его прямом (*грязь*) и переносном (*богатство, земные блага*) значениях с XIII по XX в. Особое внимание уделяется среднеанглийскому периоду (XIII–XV вв.). Здесь, в частности, приводятся показатели, отражающие не только частотность употребления (на каждые 100 000 слов) изучаемого существительного в ту эпоху в целом, но и соотношение этой частотности в религиозном и светском типах дискурса. В работе можно также найти диаграмму, представляющую динамику изменений использования лексемы *tuck* в прямом и метафорическом значениях в течение всего исследуемого хронологического отрезка (т.е. в XIII–XX вв.).

Стоит подчеркнуть и тот факт, что автор пытается объяснить полученные в ходе анализа результаты, в том числе и постепенное исчезновение у существительного *tuck* метафорического употребления, исходя из тесного взаимодействия факторов когнитивного, прагматического и социокультурного характера. Среди последних упоминаются, например, и те перемены в отношении

общества к богатству, к материальным благам, которые четко прослеживаются при переходе от Средневековья к Новому времени⁷.

В целом же выбор хронологических рамок исследования, как и объем привлекаемого материала, несомненно, определяются поставленными целями и задачами. Однако в любом случае представляется важным различать историю фиксации значений слов на разных хронологических срезах и собственно семантическую историю слов, поскольку первая подразумевает подход к фактору времени как к статическому началу, а вторая – как к динамическому. Благодаря этому предметом исследования становится процесс движения от одного значения к другому (или другим) внутри структуры слова, хотя, разумеется, нельзя отрицать и того, что «суждения относительно лексем, функционировавших в более или менее отдаленные эпохи, носят в значительной степени принципиально гипотетический характер»⁸. Однако уже даже само по себе выдвижение подобных гипотез является крайне плодотворным. Тем более что эти гипотезы могут в дальнейшем подтверждаться (пусть и косвенно) фактами как лингвистического, так и экстралингвистического порядка.

В этой связи, правда, обычно встает целый ряд различных вопросов и, прежде всего, о репрезентативности письменных источников, т.е. об их способности отражать некие черты, присущие на том или ином этапе эволюции данному языку в целом, в том числе и разговорной речи, в которой, как принято считать, зарождается большая часть инноваций. Многие исследователи полагают, что этот вопрос сам по себе является беспочвенным, хотя бы потому, что других источников у нас нет. Следовательно, разговорную речь прошлого можно изучать только опосредованным путем, используя для ее реконструкции те письменные источники, в которых разговорные элементы проявляют себя особенно отчетливо. Сюда относится частная переписка, некоторые виды деловой документации, ряд литературных жанров и, в частности, комедия.

В то же время, как справедливо подчеркивают многие исследователи, нельзя не принимать во внимание и то, что письменные памятники, в том числе и художественной литературы, тоже были способны служить контекстом для инноваций, которые впоследствии закреплялись в системе языка. Можно, например, привести немалое количество лексем, которые вошли в словарный запас английского языка благодаря сочинениям Чосера или Шекспира. Несомненно, что и другие разновидности письменной речи могли выступать в качестве среды формирования и развития семантики слов, равно как и реализации их коммуникативно-дискурсивной вариативности. И с этой точки зрения, данные источники представляют значительную ценность сами по себе, независимо от того, способны ли они и в какой степени отражать специфику разговорного языка своего времени⁹.

Особенно весомой является роль письменных памятников при изучении закономерностей исторического развития семантики лексических единиц высокого уровня абстракции. В значительной степени это обусловлено тем, что подобные единицы «обозначают сущности, сконструированные нашим сознанием и ориентированные не на объективный мир, а на познающего субъекта»¹⁰, который сводит ряд концептуальных признаков в одно понятие и закрепляет за ними имя. Причем сам выбор этих признаков, как можно предположить, во многом определяется потребностями и характером той дискурсивно-культурной сферы, в которой протекает данный процесс.

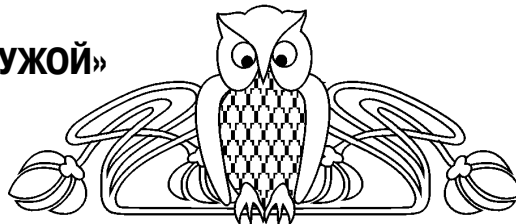
Примечания

- ¹ Мещерский Н.А. Критические заметки по русской исторической лексикологии // Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1977. Вып. 2. С. 50.
- ² См.: Плузьян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 14.

- ³ См.: Молдован А.М. Национальный корпус русского языка // Вестн. РАН. 2007. Т. 77, № 6. С. 501.
- ⁴ См.: См.: Бородина М.А., Гак В.Г. К типологии и методике историко-семантических исследований: на материале лексики французского языка. Л., 1979. С. 49.
- ⁵ См.: Галуцких И.А. Закономерности эволюции ядра лексической системы английского языка // Вестн. Новгородского гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, вып. 1. С. 80.
- ⁶ Там же. С. 85.
- ⁷ См.: Kossmann B. From Evil Riches to Common Fertilizer: Mucking in with Semantic Change // Selected Proceedings of the 2005 Symposium on New Approaches in English Historical Lexis (HEL-LEX) / Ed. R.W. McConchie et al. Somerville, 2006. P. 83–94.
- ⁸ Бабаева Е.Э. Кто живет в вертепе, или Опыт построения семантической истории слова // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 95.
- ⁹ См.: Romaine S. The reconstruction of language in its special context: methodology for a socio-historical theory // Current issues in linguistic theory. Amsterdam, 1982. Vol. 21. P. 293.
- ¹⁰ Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 1976. С. 243.

УДК: 811.161.1'282

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ДИАЛЕКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале говора с. Белогорное Вольского района Саратовской области)

О.Ю. Крючкова

Саратовский государственный университет
E-mail: vpks@rambler.ru

В статье рассматривается специфика репрезентации оппозиции «свой – чужой» в конфессионально неоднородном традиционном сообществе.

Ключевые слова: диалект, коммуникация, традиционная народная культура.

The Representation of the Opposition «One's – Other's» in Dialect Communication (on the Materials of the Dialect of the Village Belogornoje, Volskij District of the Saratov Region)

О. Yu. Kryuchkova

The article deals with specific features of the speech representation of the opposition «one's – other's» in religiously heterogeneous traditional community.

Key words: dialect, communication, traditional folk culture.

Противопоставленность своего и чужого является наиболее общей и ведущей для традиционного народного сознания лингвокультурной оппозицией. Поляризация явлений окружающего

мира по шкале «свой – чужой» выступает в виде многообразных конкретных противопоставлений: «близкий – далекий», «родной – неродной», «внутренний – внешний», «друг – враг», «день – ночь», «утро – вечер» и др. – и овнешняется посредством целого ряда знаковых систем, таких как устное народное творчество, системы обрядов и ритуалов, мифология, диалектная речь¹. При этом непосредственно отмечаемые носителями народной культурной традиции оппозитивные признаки и их связи относятся к числу живых, четко осознаваемых, тогда как воспроизводимые в фольклорных текстах и ритуальных действиях признаки и их связи могут и не осознаваться носителями традиции или осознаваться слабо². Диалектная речь (рассказы диалектоносителей, обиходно-бытовое общение на диалекте, диалоги сельских жителей с представителями иной социокультурной среды) транслирует актуальную для носителей традиционной народной культуры картину мира, которая включает в том числе и актуальные (хорошо осознаваемые и легко воспроизводимые) элементы этнокультурной информации, воплощенной в других семиотических системах (фольклоре, мифологии, обрядово-ритуальной коммуникации) в символически обобщенном и эстетически обработанном виде.